С того случая прошло уже две недели!

Раны на запястьях, лодыжках и локтях Юн Хуа уже закрылись!

С правой ладони, получившей самую серьезную травму, уже сняли швы. Кожа на поверхности отросла, но внутренне она еще не полностью зажила. Однако больше не было необходимости обматывать руку толстыми бинтами.

Она уже могла свободно передвигаться.

Однако… сфера её деятельности все еще была ограничена пределами крошечной палаты.

Она действительно собиралась сгнить здесь!

Но не это было самым страшным, а то, что за последние две недели, кроме первого пробуждения, она ни разу не видела Бао Си Цина!

Каждый раз, когда Чу Юй приходил, она с нетерпением оглядывалась на него…

Но там никого не было, никого, совсем никого!

Чу Юй сказал ей, что босс был зол.

Конечно, Юн Хуа знала об этом.

Но… что она могла сделать?

Что заставило Юн Хуа потерять дар речи, так это то, что, хотя он и не появился перед ней, он установил камеру наблюдения в палате, которая находилась напротив кровати.

Стоило ей нахмурить брови или погладить голову, как тут же входил врач или медсестра и спрашивал, все ли с ней в порядке, не чувствует ли она дискомфорта.

Юн Хуа потеряла дар речи: у него было время присматривать за ней, но не было времени зайти к ней!

Но кто сказал ей, что он не прав.

Теперь, когда прошло две недели, она не хотела больше оставаться в палате и хотела выйти на улицу! Она действительно хотела выйти!

Однако некто явно ограничивал её свободу и даже заручился поддержкой её матери, Цзян Хуань Цин, имея надлежащие основания не выписывать её! Она не могла даже выйти из палаты!

Юн Хуа обдумывала множество различных методов, но что бы она ни делала, Бао Си Цин упорно не желала появляться перед ней.

Если она притворялась, что ей неудобно или утверждала, что ей больно, тут же появлялись врач или медсестра.

Если она притворялась, что у нее плохое настроение, то тут же появлялись Шэнь Ши Ин или Цзян Хуань Цин.

Однако он просто не появлялся!

Неужели он действительно так сильно её ненавидит?

Юн Хуа кусала губы и ломала голову. Похоже, ей придется прибегнуть к последнему способу!

Мгновение спустя она взяла ручку и бумагу и начала рисовать на кровати…

В палате рядом Бао Си Цин поднял голову, чтобы взглянуть на экран наблюдения. Для него стало привычкой смотреть на экран каждые несколько секунд, прежде чем продолжить чтение документов.

Однако, едва опустив голову, он понял, что сейчас что-то изменилось… и тут же снова поднял голову.

В этот момент на экране видеонаблюдения Юн Хуа стояла на кровати лицом к камере и держала перед грудью лист белой бумаги. На бумаге было написано следующее: Я была не права, прости меня, пожалуйста~~~~ со смайликом в конце!

Она наклонила голову на одну сторону и смотрела прямо в камеру расширенными глазами. Она мило улыбалась в камеру с бумагой в руках.

Бао Си Цин тут же плотно сжал губы и неосознанно крепче сжал ручку.

Эта девушка опять что-то задумала!

Но её жалкий и невинный взгляд… был неотразим!

Однако, подумав о том, что она сделала, Бао Си Цин заставил себя ожесточиться, он должен был преподать ей незабываемый урок!

Юн Хуа стояла с листком бумаги довольно долго, но никакой реакции не последовало.

Она надулась и жалобно смотрела в камеру, даже подняв белую бумагу над головой, и было видно, что она просит прощения…

Она нашла очень удачную позицию, её невинные, наполненные слезами глаза смотрели прямо в камеру. Это зрелище… никто не смог бы выдержать!

Бао Си Цин глубоко вздохнул и попытался остановить свой взгляд на экране видеонаблюдения. Он заставил себя успокоиться и продолжить работу с документами, чтобы его не обманул её жалкий вид.

Однако… ни одно слово не укладывалось в голове, так как мысли были в беспорядке!

В конце концов, он бросил документы и ручку на стол и предался размышлениям, наблюдая за тем, как на экране видеонаблюдения эта лгунья притворяется жалкой!

Она действительно прожжённая лгунья!

http://tl.rulate.ru/book/17556/2102070